

С. А. Денисов

СОСТАВ И ФУНКЦИИ ПРУССКИХ ЛОКАТОРОВ
В ВАРМИЙСКОЙ ЕПИСКОПИИ В XIV ВЕКЕ

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Поступила в редакцию 13.04.2024 г.

Принята к публикации 16.07.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-5

56

Для цитирования: Денисов С. А. Состав и функции прусских локаторов в Вармийской епископии в XIV веке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 56–69. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-5.

Социальный институт локаторов, наряду с системой ленного землевладения, был одним из главных способов освоения земель в государстве Тевтонского ордена. Должность локатора подразумевала основание поселения, привлечение на его территорию жителей и управление социальной жизнью новой общины. Формирование данной группы из среды местного населения в период 1300–1370 гг. ставит вопрос о том, каким было их положение в новой социальной системе, ключевыми характеристиками которого являются их состав и функции. Эти аспекты определены на основе применения типологического и историко-сравнительно-методов на материале актов Вармийской епископии. Всего в актах зафиксированы пожалования 190 локаторам, основная часть которых составляет две группы: персоны, обязанные нести службу и платить налоги, и лица, освобожденные от службы и вносившие только подати. Представители обеих групп имели право строительства в своих владениях мельниц и таверн, а также обязались выделить участки для возведения приходской церкви. Их юрисдикция включала права малого и большого судов. На протяжении рассматриваемого периода в среде локаторов происходили процессы социально-имущественного расслоения, усугубляемые сокращением свободных земель и литовскими вторжениями. Меры для поддержки локаторов (наследование должности и имущества по обеим линиям, предоставления прав рыбной ловли и охоты и др.) применялись исходя из ситуации в каждом владении, что обеспечило стабильное освоение земель епископии.

Ключевые слова: Вармийская епископия, военная служба, локатор, налог, поселение, пруссы

Становление государства Тевтонского ордена в Пруссии во второй половине XIII в. привело к значительным переменам в системе расселения местных этнотерриториальных общностей. Возведение системы орденских замков, являвшихся военными и административными центрами, сопровождалось формированием в их округах новых в социальном

отношении типов хозяйств, основанных на условном землевладении. Данная ситуация подразумевала различную степень перемен в структуре расселения. С одной стороны, в густонаселенных и интенсивно освоенных к XIII в. областях Самбии [27, S. 158–184] и Помезании [26, S. 130–324] новые центры, как правило, формировались на месте городищ и селищ, уже существовавших до прихода Тевтонского ордена. С другой стороны, в менее освоенных областях Надровии [2, с. 28–29] и Судовии [3, с. 147–149] происходило полное изменение системы расселения, сопровождавшееся миграцией части автохтонных жителей. В этом контексте реконструкция социальных процессов, происходивших в Пруссии после орденского завоевания, подразумевает изучение перемен в расселении, произошедших во всех составлявших ее 9 землях: Самбии, Наттангии, Помезании, Погезании, Вармии, Сассовии, Надровии, Галиндии, Бартии. При этом перечисленные области включались в состав государства Тевтонского ордена в различном административном статусе: одни из них находились под управлением Ордена, другие — в ведении Церкви. Данная практика привела к объединению в административных границах областей, различных по степени освоения (как Самбии и Надровии в комтурстве Кёнигсберг). В этом контексте возникает вопрос о том, как происходило становление системы расселения пруссов в условиях объединения неоднородных по степени освоения земель под одним административным управлением.

Наиболее явно данное положение представлено в Вармийской епископии, которая объединила области Вармии и Бартии. Первая из них расположена в центральной части Пруссии между р. Фришинг на северо-востоке, р. Алле на юго-востоке, р. Пассарге на юго-западе и заливом Фришес Хафф на северо-западе. Вторая область расположена в юго-восточной части Пруссии между р. Алле на западе и оз. Даргинское и Ширдинг на востоке, имея общую западную границу с Вармией. Названные области объединяли в себе районы, освоенные с различной степенью интенсивности: Вармия включала в себя хорошо освоенный район побережья Фришес Хафф, в то время как к Бартии относились менее освоенные земли, граничащие с Мазурскими озерами.

Освоение земельных фондов Вармии и Бартии, происходившие в виде формирования системы поселений условных землевладельцев, позволило обеспечить стабильный доход Вармийским епископам. Если к концу XIII в. епископ Генрих, по словам Петра из Дусбурга, получал только одну марку от мельницы [18, S. 119. № 140], то в 1329–1388 гг. его преемники смогли выстроить на средства, полученные в том числе от использования земельного фонда, кафедральный собор во Фрауэнберге, где проводил заседания капитул епископии [15, р. 712; 20, S. 76].

Во время становления системы условного землевладения в Вармийской епископии существовало два вида собственности: ленные хозяйства, владельцы которых были обязаны нести военную службу и/или выплачивать налог, и владения локаторов — орденских подрядчиков, обязанных возвести на полученном участке поселение и руководивших затем социальной жизнью создаваемой общины. Вторая группа занимала особое место в политике епископов, так как позволяла широко при-

влекать поселенцев к освоению земельного фонда, увеличивая доходы от этого процесса. Формирование второй группы из среды прусского населения, являвшееся способом интеграции в новую социальную систему, ставит вопрос о том, каким было их положение в политике Вармийской епископии. Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к ключевым аспектам положения рассматриваемой группы, которыми являются состав и функции.

Несмотря на интерес в историографии к становлению системы условного землевладения в Вармии, поставленные вопросы не были специально рассмотрены в предшествующих работах. Исследователи обращали внимание на включение пруссов на положении локаторов в систему условного землевладения в Вармии [7, S. 8; 11, S. 211; 13, S. 47; 14, S. 89–101; 19, S. 107–114; 24, S. 37, 66–67, 80–81; 25, S. 4], однако при этом имущественное положение и функции данной группы систематически не изучались, а главенствующее место в основании новых поселений отводилось немецким колонистам [6, S. 53–57; 13, S. 11, 26–33, 46; 17, S. 4; 21, S. 129; 23, S. 39–47; 24, S. 65, 66].

Для решения поставленных задач используем типологический и историко-сравнительный методы, позволяющие выделить категории внутри исследуемой социальной группы и сопоставить их правовой статус, функции и имущественное положение на протяжении заданного периода.

Хронологическими рамками исследования являются 1300–1370 гг., которые представляют собой время интенсивного освоения Вармийского диоцеза [14, S. 98–100].

Земельные владения предоставлялись прусским локаторам Вармии по кульмскому праву, в основе которого находились общеевропейская и немецкая правовые традиции (нормативные системы, принятые в северогерманских землях, Фламандии, Силезии и др.) [5, с. 55]. В актах Вармийской епископии (всего 51 документ) упомянуты 190 персон, получившие участки для основания новых поселений. Эти документы имеют следующий состав: публичное объявление, указание дарителей и получателей участка, описание границ и/или размера надела, перечисление условий, при которых действовало право собственности, сведения о штрафе за угрозу жизни и здоровью ленника. В завершающей части грамот определялись гарантии исполнения документа и указывались время, место и свидетели его составления, а также перечислялись прилагаемые удостоверительные знаки (сигнатура и печать).

Критерии для выделения пруссов в актах: прямое указание на национальность – прусс («Pruthenus») [9, S. 7. № 7; S. 20–21. № 22; S. 99. № 95a; S. 181–182. № 182; S. 215. № 217; S. 277–278. № 279; S. 353. № 347; S. 359. № 351; S. 383. № 369; S. 383. № 369; S. 436. № 435, etc.], личные имена *Вопе*, *Гедете*, *Сандер* и др., имеющие балтское происхождение [9, S. 18–19. № 20; S. 78–79. № 76; S. 100–101. № 97; S. 436. № 435, etc.; 12], эпитет «известный муж» («discretus vir») [8, S. 290–292. № 168; 9, S. 179–181. № 179–181; S. 184–185. № 186, 187; S. 273. № 272; S. 328. № 312; S. 331–333. № 318; S. 336. № 323; S. 395–396. № 381, etc.], указание на обязанность службы по обычаю земли, в которой располагалось владение («cum armis secundum

terre consuetudinem») [8, S. 474–475. №290; S. 488–489. №292; 9, S. 5–6. №5; S. 21–22. №23; S. 49–51. №46; S. 59–60. №53; S. 72–73. №72; S. 125. №119; S. 129–130. №125; S. 136. №133; S. 158–159. №159; S. 368. №361; S. 383. №369].

По имущественному положению и функциям прусские локаторы разделяются на 3 группы. Первая включает 49 персон, получивших для основания поселения от 11 до 81 гуффена, из которых их личную собственность составляли 1–16 гуффенов. Они были обязаны нести службу епископу и выплачивать налог. Служба подразумевала участие в походах против врагов церкви и защиту ее земель на коне и с оружием, предусмотренным обычаем (11 персон, в сопровождении от 1 до 4 воинов (17 персон) [8, S. 343–346. №200; S. 474–475. №290; S. 488–489. №292; S. 483–484. №297; S. 486–487. №299; 9, S. 5–6. №5; S. 21–22. №23; S. 49–51. №46; S. 59–60. №53; S. 72–73. №72; S. 125. №119; S. 126. №120; S. 129–130. №125; S. 136. №133; S. 158–159. №159; S. 183–184. №184; S. 184. №185; S. 205–207. №204; S. 212–214. №215; S. 221–222. №223; S. 328–329. №313; S. 368. №361; S. 383. №369]. При этом в 9 случаях к военной службе добавлялось строительство новых укреплений и ремонт обветшавших [8, S. 488–489. №292; 9, S. 21–22. №23; S. 49–51. №46; S. 125. №119; S. 158–159. №159; S. 183–184. №184; S. 205–207. №204; S. 212–214. №215; S. 368. №361; S. 383. №369]. Для 20 персон служба состояла только в строительных работах [8, S. 329–332. №193, 194; S. 337–339. №196; S. 452–454. №272; S. 472–473. №288; S. 489–490. №302; 9, S. 7. №7; S. 18–19. №20; S. 353. №347; S. 176–178. №177]. Еще в одном случае прусс Велун исполнял обязанности управляющего волостью, камерария [9, S. 109–110. №103]. Налог выплачивался в денежно-натуральном (29 персон) или только денежном / натуральном виде (20 персон). Денежно-натуральная подать включала в себя в различных сочетаниях следующие выплаты: деньги (0,5 марки или 1 кельнский / 6 кульмских денариев), 1–2 шеффеля зерна (пшеницы, либо овса и ржи, либо овса с немецкого плуга), а также 1–2 шеффеля ржи с каждого прусского плуга, камень воска и 2 курицы [8, S. 337–339. №196; S. 343–346. №200; S. 453–454. №272; S. 474–475. №290; S. 488–489. №292; S. 483–484. №297; S. 489–490. №302; 9, S. 5–6. №5; S. 21–22. №23; S. 49–51. №46; S. 59–60. №53; S. 72–73. №72; S. 109–110. №103; S. 125–126. №119, 120; S. 129–130. №125; S. 136. №133; S. 176–178. №177; S. 183–184. №184; S. 184. №185; S. 205–207. №204; S. 212–214. №215; S. 221–222. №223; S. 368. №361; S. 383. №369]. Денежная и натуральная подати рассчитывались с каждого немецкого плуга составляли соответственно 0,5 марки [8, S. 329–332. №193, 194; S. 452–454. №272; S. 240–241. №242; S. 472–473. №288; S. 486–487. №299; 9, S. 7. №7; S. 18–19. №20; S. 328–329. №313; S. 353. №347] или фунт перца и 15 куриц [9, S. 158–159. №159].

Ко второй группе относятся 112 персон, получившие для основания поселения 6–100 гуффенов, из которых личную собственность составляли 0,5–12 гуффенов. Представители данной группы были освобождены от службы церкви и платили только денежно-натуральную (63 персоны) или денежную подати (48 персон). Денежно-натуральная подать включала в себя различные сочетания денег (0,5 марки, 6 кульмских

денариев или 1–3 фертона), 2 куриц, 1–2 шеффелей зерна (овса, ржи или пшеницы) за каждый гуффен, а также — из 1–2 шеффелей пшеницы и шеффеля ржи с каждого немецкого плуга и шеффель ржи с каждого прусского плуга [8, S. 460–461. №277; 9, S. 20–21. №22; S. 37–38. №36; S. 78–79. №76; S. 87–88. №85; S. 100–101. №96, 97; S. 106. №99; S. 107–108. №101; S. 131. №127; S. 148–149. №148; S. 162–164. №164, 165; S. 178. №178; S. 180–182. №180–182; S. 184–185. №186, 187; S. 215. №217; S. 234–235. №233; S. 246. №247; S. 248. №250; S. 258–259. №259; S. 260–261. №262; S. 263. №264; S. 273. №272; S. 278–279. №280; S. 281–283. №284, 285; S. 284–285. №287; S. 293–294. №294; S. 297. №296; S. 298–299. №298; S. 300. №300; S. 331–333. №318; S. 339. №326; S. 346. №335; S. 347. №337; S. 354–356. №347; S. 359. №351; S. 377–379. №365; S. 379. №366; S. 388. №375; S. 395–396. №381; S. 397. №383; S. 411–412. №399; S. 414–416. №403; S. 432. №427; S. 434. №430; S. 436. №435]. Денежная подать составляла от 1 фертона до 0,5 марки за гуффен [8, S. 221–223. №125; S. 258–259. №149; S. 290–292. №168; S. 320–322. №186; S. 466. №283; S. 482–483. №296; 9, S. 2–3. №2; S. 17–18. №18, 19; S. 45. №42; S. 57–58. №50; S. 63–63. №57; S. 70–71. №68; S. 76–77. №75; S. 99. №95b; S. 99–100. №95c; S. 153. №154; S. 160–161. №161; S. 179. №179; S. 189–191. №192; S. 237–238. №236; S. 240. №241; S. 270–272. №270; S. 277–278. №279; S. 291–292. №291; S. 298. №297; S. 301–302. №303; S. 326. №310; S. 328. №312; S. 331–333. №318; S. 334–335. №320; S. 336–337. №323; S. 340–341. №327, 328; S. 342–344. №331; S. 351–352. №344; S. 354, 356–357. №347, 348; S. 360. №352; S. 377. №364; S. 411. №398]. В одном случае размер и состав подати точно не указан [9, S. 377–379. №365].

Третью группу составляют лица, обязанные нести службу и освобожденные от выплаты налогов. К ним относятся 2 персоны, выделенные, несмотря на малочисленность, в отдельную группу вследствие кардинального отличия в статусе. Иоганн де Лейссен, первый из них, получил 62 гуффена для основания поселения и был обязан нести военную службу с 2 воинами и 2 конями [9, S. 210–211. №211]. Второй локалатор Калуко Хохенберг получил для основания поселения 20 гуффенов и был обязан нести службу на коне и принимать участие в строительстве укреплений [9, S. 228. №225].

Вне рассматриваемых групп находятся 26 персон, для которых в документах не указаны обязанности, выполняемые за полученные участки. Размер владений, выделяемых им для основания поселений, составил от 6 до 100 гуффенов. Размер личных владений — от 1 до 7 гуффенов [9, S. 94–95. №89; S. 182–184. №183, 184; S. 189–191. №192; S. 205–206. №204; S. 209–210. №209; S. 263. №264; S. 282–283. №285; S. 326. №310; S. 329–330. №314; S. 336. №323; S. 340. №327; S. 351–352. №344; S. 353–354. №347; S. 360. №352; S. 411–412. №399]. Причинами неполных сведений являются краткие упоминания о данных персонах, как о владельцах участков, соседствующих с выделяемым наделом или как о его предыдущих собственниках.

Представители групп 1 и 2 имели право построить на своих участках таверну и водяную мельницу, а также были обязаны выделить участок для строительства приходской церкви.

Право построить таверну упомянуто в актах, пожалованных 115 персонам. Из них 33 локатора полностью распоряжались доходами от нее [8, S. 63–63. №57; S. 221–223. №125; S. 258–259. №149; S. 320–322. №186; S. 337–339. №196; S. 343–346. №200; S.452–454. №272; S. 466. №283; S. 472–473. №288; S. 482–483. №296; 9, S. 59–60. №53; S. 160–161. №161; S. 300. №300; S. 301–302. №303; S. 328. №312; S. 354–356. №347; S. 377. №364], а 70 персон – только половиной [8, S. 489–490. №302; 9, S. 5–6. №5; S. 7. №7; S. 17–18. №18, 19; S. 18–19. №20; S. 45. №42; S. 72–73. №72; S. 76–79. №75, 76; S. 87–88. №85; S. 99. №95a, b; S. 100–101. №97; S. 106. №99; S. 129–130. №125; S. 148–149. №148; S. 162–164. №164, 165; S. 178–181. №178–181; S. 184–185. №185–187; S. 189–191. №192; S. 215. №217; S. 237–238. №236; S. 246. №247; S. 248. №250; S. 258–259. №259; S. 260–261. №262; S. 263. №264; S. 277–279. №279, 280; S. 281–283. №284, 285; S. 284–285. №287; S. 293–294. №294; S. 297. №296; S. 326. №310; S. 336–337. №323; S. 339. №326; S. 346. №335; S. 347. №337; S. 353, 355. №347; S. 359. №351; S. 377–379. №365, 366; S. 388. №375; S. 397. №383; S. 411–412. №398, 399; S. 432. №427; S. 434. №430; S. 436. №435]. Еще 3 локатора получали лишь треть доходов от таверны [9, S. 109–110. №103; S. 414–416. №403]. Три локатора могли иметь несколько таверн с выплатой половины дохода [9, S. 270–272. №270; S. 331–333. №318; S. 342–344. №331]. Еще 2 локаторам разрешено иметь по 2 таверны, чинш с одной они оставляли у себя, а со второй отдавали церкви [8, S. 290–292. №168; 9, S. 221–222. №223]. В одном случае таверна полностью принадлежала епископу [9, S. 107–108. №101]. Размер участка, выделяемого для строительства таверн, упомянут только в одном акте и составил 2 гуффена [9, S. 291–292. №291].

Право построить на своих участках водяную мельницу имели 16 персон [8, S. 221–223. №125; S. 343–346. №200; S.452–454. №272; 9, S. 176–178. №177; S. 341. №328; S. 342–344. №331; S. 360. №352]. При этом в двух случаях отдельно указывался размер участка, выделяемого для ее размещения. Для этого Герман Генненберг получил 29 июня 1358 г. 0,5 гуффенов, а Николай 5 февраля 1362 г. – 2 гуффена [9, S. 270–272. №270; S. 336–337. №323]. Практически во всех случаях доходы от мельниц поступали в полное распоряжение локаторов, за исключением двух случаев, когда они были обязаны отдать половину [9, S. 281–282. №284; S. 354–355. №347].

Участок для строительства приходской церкви упомянут в актах, пожалованных 50 локаторам. Его размер составляет от 2 до 6 гуффенов. При этом локаторы были обязаны выплачивать налог на содержание клира и церкви, который составлял по шеффелю пшеницы и овса с каждого гуффена [8, S. 290–292. №168; S. 329–332. №193; S. 337–339. №196; S.452–454. №272; S. 466. №283; S. 472–473. №288; S. 482–483. №296; 9, S. 59–60. №53; S. 76–77. №75; S. 176–178. №177; S. 179. №179; S. 189–191. №192; S. 221–222. №223; S. 260–261. №262; S. 270–272. №270; S. 281–282. №284; S. 284–285. №287; S. 291–292. №291; S. 293–294. №294; S. 297. №296; S. 298–299. №298; S. 336–337. №323; S. 340–341.

№327; S. 342—344. №331; S. 351—352. №344; S. 354—356. №347; S. 377—379. №365; S. 395—396. №381; S. 411—412. №399; S. 414—416. №403; S. 434. №430].

Следующей функцией локатора был разбор судебных дел, включающий права малого и большого судов. Первое из них состояло в том, что локатор разбирал преступления, наказание за которые предусматривало штраф до 4 солидов¹. Второе подразумевало разбор более тяжких преступлений, наказание за которые могло достигать усечения руки или головы. Всего права большого и малого судов были пожалованы 158 персонам, в состав которых входят представители всех рассмотренных категорий локаторов. При этом правом малого суда пользовались все из них, в то время как право большого суда было пожаловано дифференцировано. Полностью данным видом юрисдикции пользовались 8 персон [8, S. 343—346. №200; 9, S. 59—60. №53; S. 99. №95a; S. 176—178. №177; S. 205—207. №204; S. 210—211. №211; S. 212—214. №215; S. 228. №225], в то время как остальные 150 персон получали только третью часть от штрафов² [8, S. 221—223. №125; S. 258—259. №149; S.452—454. №272; S. 460—461. №277; S. 483—484. №297; S. 489—490. №302; Bd. 2: S. 2—3. №2; S. 5—6. №5; S. 7. №7; S. 17—19. №18—20; S. 20—21. №22; S. 21—22. №23; S. 37—38. №36; S. 49—51. №46, etc.]. В актах, пожалованных 48 локаторам, указано, что большой суд передан нотарию [8, S. 290—292. №167; S. 320—322. №186; S. 329—332. №193, 194; S. 337—339. №196, etc.; 9, S. 45. №42; S. 63—63. №57; S. 72—73. №72; S. 76—77. №75; S. 125. №119, etc.]. При этом в 4 актах специально подчеркнута, что с его решением локаторы должны были соглашаться [9, S. 270—272. №270; S. 329—330. №314; S. 340—341. №327; S. 377—379. №365]. Это позволяет предположить, что данная мера была принята не только для квалифицированного разбора дела, но и для контроля над судебной деятельностью землевладельцев.

Установив состав и функции локаторов, обратимся далее к их географическому распределению (рис.).

Как видно, основная часть землевладельцев была расселена в южных районах Вармии и Бартии (окрестности замков Алленштейн, Рёссел, Вартенбург), граничивших с Мазурскими озерами. Выбор именно этих районов обусловлен малой степенью их освоения из-за наличия лесов и болот, что делало их малопривлекательными для колонистов. Решить эту проблему было призвано привлечение местных локаторов, для которых данная местность была хорошо знакомой. В то же время возведение перечисленных замков было призвано защитить поселенцев от внешних вторжений. Помимо локаторов для освоения указанной области привлекались также ленники из числа прусского населения епископии [10, p. 484—486].

¹ В актах это право определено как «с полным правом малого суда и выплатами от него 4 солидов или ниже» («cum omnibus Judiciis minoribus et eorum emendis quatuor solidorum vel citra») [9, S. 329. №14].

² В актах эта доля определена как «третья часть поступлений/третья часть всех выплат от большого суда» («tercia pars obventionum/tercia pars omnium emendarum de Judiciis Majoribus») [9, S. 297. №296; S. 300. №300].

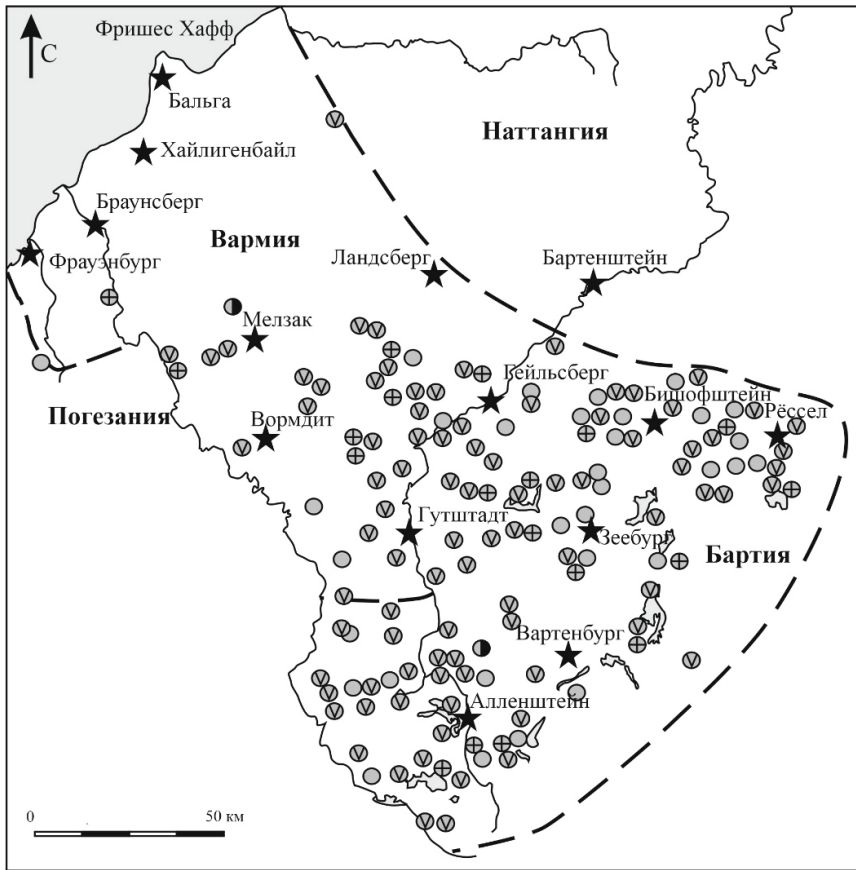

Рис. Владения прусских локаторов: ○ — группа 1, ⊕ — группа 2, ⊙ — группа 3, ⊕ — вне группы 1–3, ★ — замки Тевтонского ордена, — — — граница Вармийской епископии

Далее суммируем сведения о численности выделенных групп локаторов, чтобы определить динамику ее изменения (табл.).

Таблица

Количество новых локаторов в правление Вармийских епископов.

Группа	Эберхард (1301–1326)	Герман (1337–1349)	Иоанн I (1350–1355)	Иоанн II (1355–1373)
1	5	34	6	4
2	7	34	16	55
3	—	—	2	—
Вне групп	—	6	8	13
<i>Всего</i>	12	74	32	72

Как видно, резкий рост численности групп 1 и 2 произошел при епископе Германе в конце 1337–1349 гг., однако затем при епископе Иоан-

не I прирост числа новых локаторов уменьшился и продолжил уменьшаться при епископе Иоанне II в группе 1 и резко увеличился в группе 2. Данная динамика свидетельствует о постепенной смене приоритетов в Вармийской епископии в отношении освоения земельного фонда. К середине XIV в. основное значение приобретают условия, по которым локатор обязан только выплачивать подати без несения военной службы или участия в фортификационных работах. При таком положении локатор мог непрерывно заниматься управлением новым поселением. Это стало возможно вследствие широкого распространения к указанному времени ленных участков, владельцы которых были обязаны нести военную службу [10, р. 485–486], что компенсировало отсутствие в походах локаторов. Напротив, распределение участков локаторам только за военную службу без выплаты налогов, предпринятое Иоанном I, не получило дальнейшего развития.

Следующей ключевой характеристикой рассматриваемой группы, позволяющей определить стабильность ее развития, являются процессы социально-имущественного расслоения, к которым относятся:

1. Аккумуляция земель в руках отдельных семейств. В актах упоминаются 10 персон, получивших вторые и третьи участки [8, S. 126. №120; S.452–454. №272; S. 240–241. №242; S. 486–487. №299; 9, S. 205–206. №204; S. 328–329. №313; S. 331–333. №318; S. 354–355. №347; S. 377–379. №365].

2. Разорение части локаторов (4 персоны), из-за которого они продавали свои участки [9, S. 263. №264; S. 282–283. №285].

Негативное влияние перечисленных процессов усугублялось двумя обстоятельствами. Первое из них заключалось в сокращении свободного земельного фонда, из-за которого участки выделялись в малопригодных для культивации местах: лесах [9, S. 326. №310], на каменистых почвах [9, S. 158–159. №159; S. 342–344. №331], на полях, покрытых кустарником и ежевичником [9, S. 176–178. №177; S. 432. №427]. Второе обстоятельство состояло в нападениях литовских князей на территорию Вармии и Бартии, происходившие на протяжении XIV в. [1, с. 128, 131; 4, с. 419; 16]. Последствия литовских вторжений зафиксированы в актах, пожалованных локаторам в 1304, 1338, 1356 и 1359 г. [8, S. 221–223. №125; S. 240–241. №242; S. 478–479. №292; 9, S. 240. №241; S. 282–283. №285].

Перечисленные процессы оказывали дестабилизирующее влияние на положение локаторов, что вызвало необходимость ряда мер, принятых церковью:

1. Должность и имущество локатора могли наследоваться как по мужской, так и по женской линии [9, S. 164. №165; S. 189–191. №192; S. 483–484. №297; S. 368. №361].

2. Устанавливалась очередность наследования: сначала на должность и имущество имели право прямые потомки, а в случае их отсутствия — остальные родственники локатора [9, S. 176–178. №177; S. 228. №225]. Эта мера была призвана не допустить дробления имущества.

3. Вводился запрет на передачу имущества лицам, не состоявшим в родстве с локатором [8, S. 290–292. №167].

4. Локаторам предоставлялось право рыбной ловли в близлежащих реках и озерах. Такое право было пожаловано 89 персонам. Для его ис-

пользования существовал ряд условий. Во-первых, рыбная ловля разрешалась небольшими снастями («parvi instrumenti»)¹, к которым относились крючок («hamus»), небольшие сети («Rethi») и удочка («Angil») [9, S. 331–333. №318; S. 351–352. №344; S. 355. №347; S. 359. №351; 9, S. 432. №427]. Допускалось также использование бродней («Wathen») [9, S. 355. №347], а также устройство запруды («Wehr») на половине водоема [9, S. 148–149. №148; S. 354. №347]. Во-вторых, улов использовался только для нужд локаторов и не продавался [9, S. 162–164. №164, 165; S. 178–180. №178–180; S. 183–185. №184–187; S. 189–191. №192; S. 205–207. №204; S. 210–211. №211. etc.].

5. Локаторам предоставлялось право охоты на оленей, лис, зайцев и мелких птиц в округе деревни [9, S. 76–77. №75; S. 260–261. №262; S. 340–341. №327; S. 432. №427].

6. В случае, если на территории поселения уже находились участки, выданные ленникам, последние включались в его состав [9, S. 37–38. №36; S. 331–333. №318; S. 397. №383].

7. Отсрочка от выплаты налогов или несения службы на период от 2 до 18 лет. Такое право получили 89 персон [8, S. 290–292. №167; S. 320–322. №186; S. 329–330. №193; 9, S. 2–3. №2; S. 49–51. №46; S. 57–58. №50, etc.]. В актах, пожалованных еще 2 локаторам, сообщается, что время уплаты налогов перенесено на более поздний срок в течении года из-за обстоятельств, препятствующих его выплате, к которым относилось участие жителей деревни в военном походе [9, S. 341. №328] или нарушения путей для доставки подати [9, S. 209–210. №209].

8. Вводился штраф (вергельд) за угрозы жизни и здоровью локатора [8, S. 472–473. №288].

9. В случае малой плодородности выделенного участка жители деревни получали дополнительные наделы [9, S. 158–159. №159].

Локатор и жители деревни могли таким образом осваивать земельные наделы и близлежащие угодья, пользуясь поддержкой церкви, однако при этом выходящая за рамки данной деятельности добыча металлов, минералов и известняка строго запрещалась [9, S. 176–178. №177; S. 205–207. №204; S. 212–214. №215].

Важной чертой перечисленных мер поддержки стало их применение в строгом соответствии с ситуацией, сложившейся в каждом отдельном владении, что говорит об их точечном характере, позволявшем обеспечивать поддержку локатору, исходя из его нужд.

Схожее положение (рост внутренней дифференциации, сокращение свободного земельного фонда) наблюдалось также среди прусских ленников и регулировалось при помощи тех же мер, что применялись для локаторов (наследование имущества по обеим линиям, введение вергельда и т.д.) [10, p. 488–493]. Это свидетельствует о наличии единой системы мер, используемых в качестве поддержки для обеих групп.

Итак, по составу и функциям среди прусских локаторов Вармийской епископии можно выделить 2 основные группы: персоны, обязанные

¹ Из снастей исключался невод, запрещенный в статье 12 Кульмской грамоты [22, S. 188].

платить налоги и нести службу епископу (49 человек), и лица, обязанные только вносить подати (112 человек). Служба локаторов состояла в защите земель епископии и участии в военных походах и/или строительстве укреплений и ремонте уже существующих сооружений. Налоги выплачивались преимущественно в денежном, денежно-натуральном и реже в натуральном видах. Динамика изменения численности обеих групп различалась на протяжении XIV в.: прирост первой постепенно уменьшался, в то время как прирост второй после локального спада при епископе Иоанне I резко увеличивался при его приемнике Иоанне II. При этом наиболее значительным был прирост группы ленников, освобожденных от службы, что стало возможно вследствие распространения ленов, владельцы которых привлекались к военным походам и строительству укреплений.

Представители обеих групп обладали соизмеримым имуществом: первые получали от 11 до 81 гуффена для основания нового поселения, из которых их личную собственность составляли 1–16 гуффенов, в то время как вторые 6–100 гуффенов, из которых личную собственность составляли 0,5–12 гуффенов. И те, и другие имели право построить мельницу и таверну, за которые отдавали часть доходов церкви, а часть оставляли себе. Помимо этого, в их владениях постановлялось возвести приходскую церковь, для которой выделялся отдельный участок. Локаторы обладали полной или частичной юрисдикцией над жителями поселения, пользуясь правами большого и малого судов.

На протяжении рассматриваемого периода среди локаторов наблюдался рост социальной дифференциации, негативное влияние которой усугублялось сокращением свободных земель и литовскими вторжениями. Для уменьшения данного влияния были приняты меры, направленные на поддержку локаторов: наследование собственности по обеим линиям, вергельд, отсрочка от выплаты налогов и несения службы, представления прав рыбной ловли и охоты в близлежащих угодьях и др. Перечисленные меры, стабилизировали развитие рассматриваемой социальной группы, о чем говорит прирост ее численности в середине — второй половине XIV в. Применение аналогичных мер для прусских ленников свидетельствует о единой политике Вармийских епископов в отношении двух групп местных землевладельцев, в основе которой лежал принцип индивидуальной поддержки, что обеспечило ее гибкость и позволило получить стабильное освоение земельного фонда, ставшее залогом благосостояния Вармийской епископии.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Археологические древности Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№ НИОКТР 124012400322-9).

Список литературы

1. Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1 : С древнейших времен до 1569 г. / пер. Г. И. Ефремова. М., 2005.

2. Денисов С.А. Ленники из Надровии в государстве Тевтонского ордена в 1340—1370 годах // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2022. Вып. 2 (57). С. 23—32.
3. Новиков А.С. Ятвягия в системе международных отношений XIII века : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2009.
4. Паушто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
5. Рогачевский А.Л. Очерки по истории права Пруссии XIII—XVII вв. СПб., 2004.
6. Bender J. Ermland's politische und nationale Stellung innerhalb Preussen's an den Hauptmomenten seiner Geschichte und Verfassung. Braunschweig, 1872.
7. Białuński G. Pruskie związki terytorialno-osadnicze w dorzeczu środkowej Łyny w XIII wieku // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2004. T. 1. S. 3—17.
8. Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 1 / hrsg. von C.S. Woelky, J.M. Saage. Mainz, 1860.
9. Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 2 / hrsg. von C.S. Woelky, J.M. Saage. Mainz, 1864.
10. Denisov S. Prussian landholders from Warmia in the Teutonic State in the second half of the XIIIth — first half of the XIVth centuries // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2020. №4 (310). P. 475—496.
11. Długokęcki W. Kolonizacja ziemi chełmińskiej, Prus i Pomorza Gdańskiego do 1410 r. // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa, 2008. S. 200—217.
12. Dukavičienė I. XIII amžiaus prūsų asmenvardžiai prūsų registre // Acta Linguistica Lithuanica. 2015. T. LXXII. S. 221—245.
13. Engelbrecht E. Die Agrarverfassung des Ermland und ihre historische Entwicklung. München ; Leipzig, 1913.
14. Kasiske K. Die Siedlungstätigkeit des Deutschen Ordens im östlichen Preussen bis zum Jahre 1410. Königsberg, 1934.
15. Kielbik J. Administration of Warmia region in the light of its domestic laws // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2016. №4 (294). P. 709—725.
16. Koperkiewicz A. «Anno 1354 Kynstute, Algard... festinant in Wartenberg». O trudnych początkach Barcewa // Homini qui in honore fuit. Księga pamiątkowa poświęcona śs. Profesorowi Grzegorzowi Białuńskiemu / red. A. Dobrosielska, A. Pluskowski, S. Szczepański. Olsztyn, 2020. S. 285—308.
17. Kopiczko A. Głotowo w świetle dokumentu lokacyjnego i najstarszych zachowanych źrydeł archiwalnych // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2014. №1 (283). S. 2—20.
18. Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussae // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 1 / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. S. 21—219.
19. Pollakówna M. Osadnictwo Warmii w okresie krzyżackim. Poznań, 1953.
20. Pottel B. Das Domkapitel von Ermland im Mittelalter. Borna ; Leipzig, 1911.
21. Powierski J. Państwo krzyżackie w Prusach // Warmia i Mazury. Zarys dziejów / Red. B. Łukaszewicz. Olsztyn, 1985. S. 95—136.
22. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1, Hft. 1 / hrsg. von R. Philippi. Königsberg, 1881.

23. Riemann E. Ostpreussische Volkstum um die ermländische Nordostgrenze. Königsberg ; Berlin, 1937.

24. Röhrich V. Geschichte des Fürstbistums Ermland. Braunsberg, 1925.

25. Schmauch H. Besiedlung und Bevölkerung des südlichen Ermlandes. Königsberg, 1932.

26. Szczepański S. Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII—XV wieku. Olsztyn, 2016.

27. Vercamer G. Siedlungs-, Sozial- und Verwaltungsgeschichte der Komturei Königsberg in Preussen (13.—16. Jahrhundert) / Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und westpreussische Landesforschung. Bd. 29 / hrsg. von U. Arnold. Marburg, 2010.

Об авторе

Сергей Александрович Денисов — канд. ист. наук, мл. науч. сотр., Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: Densera@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

S. A. Denisov

THE COMPOSITION AND FUNCTIONS OF PRUSSIAN LOCATORS IN THE WARMIAN EPISCOPATE IN THE 14th CENTURY

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 13 April 2024

Accepted 16 July 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-5

To cite this article: Denisov S. A. 2024, The composition and functions of Prussian locators in the Warmian Episcopate in the 14th century, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 56—69. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-5.

The social institution of locators, alongside the feudal land tenure system, was one of the main methods for land development in the Teutonic Order's state. The position of a locator entailed establishing a settlement, attracting residents to its territory, and managing the social life of the new community. The formation of this group from the local population during the period of 1300-1370 raises the question of their status within the new social system, the key characteristics of which include their composition and functions. These aspects have been defined using typological and historical-comparative methods based on the records of the Warmian Episcopate. The records document land grants to a total of 190 locators, the majority of whom fall into two groups: those obligated to provide service and pay taxes, and those exempt from service but required to pay dues. Representatives of both groups had the right to build mills and taverns on their lands and were also responsible for allocating plots for the construction of parish churches. Their jurisdiction included both minor and major judicial powers. Throughout the period under review, the locators experienced processes of socio-economic stratification, exacerbated by the shrinking availability of free land and Lithuanian invasions. Measures to

support locators (such as inheritance of their position and property through both male and female lines, as well as rights to fishing and hunting) were applied according to the situation in each estate, ensuring stable land development within the episcopate's territory.

Keywords: Warmian episcopate, military service, locator, tax, settlement, Prussians

The author

Dr Sergey A. Denisov, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: Densera@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>